

На правах рукописи

ТАРАСЕНКО Владимир Викторович

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1239–1367 ГОДАХ

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Тюмень 2010

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
ПАШИН Сергей Станиславович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
СОЛОДКИН Янкель Гутманович
кандидат исторических наук, доцент
КОТЛЯРОВ Дмитрий Алексеевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Защита состоится 3 декабря 2010 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 516.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «__» ноября 2010 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор*

З.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Проблема взаимоотношений Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой в 1239–1367 гг. интересовала исследователей с начала XIX века. Однако большинство трудов, в которых она затрагивалась, написано либо дореволюционными историками, работавшими в рамках позитивистской парадигмы, либо советскими авторами, придерживавшимися марксистских методологических основ.

Вместе с тем, в XX в. в развитии западной исторической науки произошли радикальные изменения. В первую очередь, они коснулись отношения к историческому источнику: «психологический» и «лингвистический» повороты помогли исследователям «по-новому взглянуть на структуру информации о прошлом, заключенной в нем, а также на формы ее кодировки»¹. Поставленный исследователями вопрос об учете личности автора источника привел к убеждению, что включение ее в историческое построение просто необходимо.

Современная ситуация в исторической науке позволяет по-новому взглянуть на русско-литовские отношения 1239–1367 гг., что и определило актуальность данного исследования.

Объектом исследования являются отношения Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой в 1239–1367 годах. **Предметом** исследования стала история развития русско-литовских отношений на протяжении изучаемого периода. Под русско-литовскими отношениями в данной работе понимаются отношения князей Северо-Восточной Руси и признававшего их главенство на протяжении почти всего изучаемого периода Новгорода с Литвой. Обосновывается названное обстоятельство тем, что правители именно северо-востока Руси впоследствии объединили под своей властью большую часть земель Киевской Руси в единое государство.

¹ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 4.

Конечно, под Русью можно понимать не только северо-восточную ее часть, но и Галицко-Волынскую землю, и даже другие территории, подчинявшиеся в разное время литовским правителям (Новогрудок, Полоцк, Витебск, Смоленск). Однако в данной работе «Русь» локализуется узко – так, как принято в историографической традиции.

Сама традиция, согласно которой историю Владимиро-Суздальской земли стало принято связывать с последующей историей России, сложилась в научной литературе под влиянием так называемого общерусского летописания: в поздних сводах, начинавшихся Повестью временных лет, описывались события, касавшиеся, в первую очередь, княжеств Северо-Восточной Руси и Московского государства. Исследователи XVIII–XXI вв. лишь закрепили это представление в исторической литературе.

Цель исследования – выявление изменений в отношениях Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой в промежуток между 1239 и 1367 годами. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

- на основе сохранившихся данных реконструировать ход и хронологию событий во взаимоотношениях Руси и Литвы;
- выявить основные этапы русско-литовских отношений и рассмотреть особенности каждого из них;
- проанализировать специфические черты в отношениях каждого из княжеств и земель Северо-Восточной Руси, а также Новгорода с Литвой в изучаемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1239 по 1367 годы. Начальная дата связана с походом великого князя Ярослава Всеволодовича против литовцев к Смоленску. Названное событие стало знаменательным, так как до этого князья Северо-Восточной Руси не имели непосредственных контактов с литовцами.

Верхней границей исследования стал 1367 г. – последний год в мирных отношениях Москвы с Литвой, хотя уже в 1367 г. обе стороны вмешались в

конфликт внутри тверского правящего дома, что и привело, в конце концов, к крупному литовскому вторжению на территорию Северо-Восточной Руси и последовавшему за ним московско-литовскому противостоянию 1368–1372 годов.

Территориальные рамки исследования ограничены землями Северо-Восточной Руси и Новгорода, а также Литвы. Под Северо-Восточной Русью понимаются земли Владимирского великого княжества и его преемников – Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского княжеств. Под Литвой – кроме собственно Литвы – также и зависевшие от нее территории Западной Руси.

Теория и методология исследования. Теоретические вопросы в исследованиях по медиевистике стоят достаточно остро. Если раньше историки исходили из положения, что «поступки людей иных эпох диктовались теми же самыми мотивами и взглядами, которые присущи человеку нашего времени, другими словами, что человеческая природа в сущности неизменна», то теперь они в большинстве своем считают, что «сознание и поведение людей исторически изменчивы»². Исходя из презумпции изменчивости сознания и поведения человека, исследователь должен выяснить, в чем заключается специфика психологических установок, которыми руководствовались люди в эпоху средневековья.

Данная задача достаточно сложна, так как историки работают лишь со «следами» средневековой действительности, отразившимися в источниках. Вследствие этого возникает необходимость правильно прочесть их текст. И это – не сугубо лингвистическая проблема, так как именно через язык отражается эпоха. Как писал Х.-Г. Гадамер, «законное требование исторического сознания: понимать данную эпоху из ее собственных понятий». То есть, не предприняв попытки грамотно прочесть текст, совершенно невозможно понять эпоху, в которую создавался источник, и его автора. Вместе с тем, «требование

² Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология. Послесловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 670.

отложить в сторону современные понятия вовсе не означает наивного перенесения себя в прошлое. Скорее это существенно ограниченное требование... Пытаться исключить из толкования свои собственные понятия не только невозможно, но и бессмысленно»³.

Далее историк сталкивается с необходимостью реконструировать из доступного исследованию текста стоящую за ним «внетекстовую» реальность. Применительно к средневековым нарративным источникам задача определения, где книжником представлена событийная действительность, а где – внесобытийная, связанная исключительно с текстовой культурой, под воздействием которой они были составлены, особенно актуальна.

В связи с названными обстоятельствами возникает необходимость применения ряда методов, способствующих истолкованию источника. Основополагающим из них является историко-антропологический. Его использование позволяет рассмотреть историческую реальность сквозь ее преломление и отражение в сознании отдельного индивида.

По отношению к русскому летописанию историко-антропологический метод невозможно применять без использования историко-текстологического метода, важнейшими задачами которого являются выявление генеалогии летописных сводов и интерпретация их переработок.

Историко-текстологический метод был бы неполон без применения к изучению текста источников герменевтического подхода, который позволяет понять смысл авторских добавлений в ряд летописных известий, ранее считавшихся «неизвестно-откуда-взятыми».

Состояние научной разработки проблемы. Первыми историками, затрагивавшими в своих трудах тему русско-литовских отношений, можно по праву считать летописцев, ведь именно древнерусские книжники не только сообщали о происходивших событиях, но и давали им оценку. Данные сводчиками характеристики перекочевывали из одной летописи в другую, а затем принимались историками XVIII–XXI веков. Однако случалось и так, что

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 461–462.

авторы поздних сводов приносили в свои труды новые пласты информации, придававшие известиям совершенно иной смысл, чем было ранее.

В XVIII в. в историческом сознании, как в Европе, так и в России, произошел сдвиг, сделавший это сознание «современным». «Одним из аспектов перемены стала секуляризация мысли, окончательный разрыв с традицией ориентированной на Библию хронографии». Это привело к тому, что возникли «новые пути толкования истории и, как следствие, новые способы ее написания»⁴. Именно в XVIII в. начали появляться обобщающие труды по истории разных стран, а также работы, посвященные отдельным историческим сюжетам.

Рассматриваемая тема не становилась объектом отдельного всестороннего исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Тем не менее, событийная сторона русско-литовских отношений 1239–1367 гг. отразилась в многотомных обобщающих трудах по истории России, а также в многочисленных работах, так или иначе касавшихся положения дел в Северо-Восточной Руси, Новгороде или Литве в XIII–XIV веках.

Первой попыткой дать оценку русско-литовским отношениям в изучаемый период явился труд Н.М. Карамзина «История государства Российского». Исследователь уделил им достаточно мало места, ограничившись, по большей части, описанием военных столкновений.

Более подробно русско-литовские отношения 1239–1367 гг. были рассмотрены в трудах Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева и Д.И. Иловайского. Исследователи сошлись во мнении, что противостояние Москвы и Литвы началось на почве «собирания» русских земель во время правления в Литве

⁴ Иггерс Г.Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей: Человек в истории. М., 2001. С. 152–153.

Ольгерда. В целом, с точкой зрения названных авторов были согласны В.О. Ключевский и А.Е. Пресняков⁵.

Отдельным сюжетам, которые касались русско-литовских отношений в 1239–1367 гг., уделили внимание исследователи, занимавшиеся изучением истории отдельных княжеств⁶. Так как они рассматривали историю Руси с позиции той или иной земли, их взгляд на события иногда отличался от представленного в трудах предшественников.

Отношения Твери с Литвой затронул в своем исследовании В.С. Борзаковский. По его мнению, в начале 1320-х гг. – после женитьбы Дмитрия Михайловича на дочери Гедимина – зародился союз Твери и Литвы. Свадьба Ольгерда и Ульяны Тверской еще более сблизила Тверское княжество, в первую очередь, потомков Александра Михайловича, с Литвой.

П.В. Голубовский, рассматривая историю Смоленского княжества, пришел к выводу, что, начиная с 1330-х гг., борьбу за влияние в нем повели два могущественных соседа – Москва и Литва. В самом Смоленске исследователь обнаружил две партии, стремившиеся проводить свою политику – одна из них поддерживала складывание тесных отношений с литовскими князьями, другая, выступавшая против, находила опору в Москве.

Не осталась за рамками исследовательского внимания и Литва. В.Б. Антонович, посвятивший одну из своих монографий начальному периоду ее истории, считал, что Литва и Москва рано или поздно должны были столкнуться. При Гедимине, несмотря на царившие между государствами мир и согласие, выразившиеся в заключении брака между Семеном Ивановичем и Аигустой, соперничество сторон уже проявилось в Новгороде и Пскове. Ольгерд стремился оказать влияние также и на Смоленск, что, тем не менее, не

⁵ Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1855. Ч. 1; Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. II. Т. 3–4; Иловайский Д.И. История России. М., 1880. Т. 1. Ч. 2; Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 2. Ч. 2; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. II. Вып. 1. С. 57; Он же. Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918.

⁶ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб., 1876; Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

нарушило «дружелюбных отношений» Москвы с Литвой при Семене и Иване Ивановичах. Только поддержка литовским правителем тверских князей в их противостоянии с Москвой привела к открытой и продолжительной борьбе с последней⁷.

Таким образом, в дореволюционной историографии утвердилось представление о начале противостояния Москвы и Литвы во времена Ольгерда. Предшествовавший его правлению период в истории взаимоотношений Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой привлекал гораздо меньше внимания со стороны исследователей.

Среди советских историков, так или иначе касавшихся в своих исследованиях темы русско-литовских отношений, стоит упомянуть работу А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси». В ней автор высказал мнение, что решающее влияние на отношения Северо-Восточной Руси и Литвы, начиная с конца 1330-х гг., оказывала Орда, опасавшаяся усиления Великого княжества Литовского. С данным положением, в целом, были согласны М.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков и И.Б. Греков⁸.

В.Т. Пашуто, уделивший в своих трудах значительное внимание русско-литовским отношениям, считал, что уже к началу 1240-х гг. литовцы перешли от грабительских набегов к политике овладения русскими землями. Это вызвало противодействие со стороны владими́ро-суздальских князей. В XIV в. Литва инициировала церковно-политическую борьбу с Москвой, стремясь создать собственную митрополию. Начало этой борьбы исследователь отнес к 1310–1311 гг., когда против союзного Москве митрополита Петра выступил

⁷ Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. I. С. 1–132.

⁸ Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 2000; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; Он же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

тверской епископ Андрей – сын литовского князя Ерденья⁹. Для советского историка, мыслившего этнонациональными категориями, подобная идея была вполне естественна.

Отношения Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой в своих работах, посвященных рассмотрению сходного сюжета – объединению русских земель под властью московских князей, уделили внимание В.В. Мавродин и Л.В. Черепнин¹⁰.

Таким образом, в советской историографической традиции закрепилось мнение о решающем влиянии Орды на отношения великих князей владимирских и литовских. Утвердившееся в дореволюционной историографии представление о начале борьбы Москвы и Литвы при Ольгерде на почве «собирания» русских земель было пересмотрено рядом авторов: в их реконструкциях Литва превратилась в агрессора, захватывавшего русские земли, а Москва – в единственного законного преемника Киевской Руси.

В конце 80-х годов XX в. в отечественной историографии начался постепенный отход от марксистско-ленинских установок. Был опубликован ряд исследований, в которых политическая история Северо-Восточной Руси рассматривалась с отличных от принятых ранее теоретических позиций.

Прежде всего, это работы Л.Н. Гумилева. Стоит заметить, что в своих построениях исследователь не только оперировал достаточно сомнительными понятиями («пассионарность», «этнический гомеостаз» и др.), но и зачастую опирался на поздние источники, либо на авторов, использовавших их при создании исторических реконструкций¹¹.

Из числа работ авторов постсоветского периода можно выделить труды Н.С. Борисова и А.А. Горского, продолживших, в целом, советскую

⁹ Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; Он же. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956; Он же. Образование Литовского государства. М., 1959; Он же. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

¹⁰ Мавродин В.В. Образование единого русского государства. Л., 1951; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

¹¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2004; Он же. От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2004.

историографическую традицию поиска фактов, подтверждающих огромное влияние Орды на отношения Северо-Восточной Руси с Литвой¹². Н.С. Борисов высказал предположение, что в 1310–1320-е гг. хан Узбек хотел притянуть литовские земли к Северо-Восточной Руси, а последнюю, в свою очередь – к Орде. По мнению А.А. Горского, до второй половины XIV в. литовский фактор «мало действовал на Северо-Восточную Русь». Усиление влияния Литвы в восточноевропейском регионе к середине XIV в. не входило в планы ордынских правителей, в чьем фарватере восточноевропейской политики, считая власть хана на Руси вполне легитимной, шли московские князья. Поэтому началось ордынско-московское противодействие литовской экспансии.

Западные авторы в своих работах также затрагивали тему русско-литовских отношений в 1239–1367 годах. Среди созданных ими трудов значительное место принадлежит монографиям Дж. Феннела, в которых достаточно подробно были рассмотрены летописные и внелетописные сведения, касающиеся изучаемой проблемы. Английский историк пришел к выводу, что в 1240–1250-е гг. именно Литва представляла главную угрозу для Северо-Восточной Руси и Новгорода на западных рубежах. Что касается более позднего этапа русско-литовских отношений, то здесь Дж. Феннел согласился с положением советских исследователей о первостепенном влиянии на их развитие Орды: по мнению историка, татары с 1330-х гг. постоянно – вплоть до начавшейся в конце 1350-х гг. «великой замятни» – поддерживали московских князей в их противостоянии с Литвой¹³.

¹² Борисов Н.С. Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.). М., 1999; Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996; Он же. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 76–110; Он же. Москва и Орда. М., 2000; Он же. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001; Он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

¹³ Fennell J.L.I. The emergence of Moscow. 1304–1359. Berkeley; London, 1968; Fennell J.L.I. The crisis of medieval Russia. 1200–1304. Eastbourne, 2002; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

Не прекращалось в советское и постсоветское время изучение истории отдельных русских земель и княжеств, в ходе которого исследователями затрагивались отношения той или иной земли с Литвой.

Большой вклад в изучение новгородско-литовских отношений исследуемого периода внес В.Л. Янин, который обосновывал тезис о длительном функционировании системы военного и политического сотрудничества между Новгородом и Литвой, базировавшейся на совладении рядом пограничных районов и участии литовских князей в организации отпора Швеции на северо-западных рубежах Новгородской земли. Ее зарождение связывалось историком с прибытием в Новгород в 1333 г. Наримонта-Глеба Гедиминовича¹⁴.

Литовско-тверские отношения подверглись тщательному анализу немецкого исследователя Э. Клюга. Он попытался изучить историю с позиции Твери, что позволило по-новому взглянуть на многие проблемы политического развития Северо-Восточной Руси. Данный подход отразился и на описании отношений с Литвой, которая лишь со второй половины XIV в. стала, по мнению историка, надежной союзницей Твери. До этого никаких союзных отношений между Тверью и Литвой не было: во второй половине XIII в. «тверские “контакты” с Литвой представляли собой по преимуществу военные столкновения»; в начале XIV в. у Твери завязались «первые позитивные отношения с западным соседом», но до начала 1360-х гг. «Литва была лишь убежищем», в котором представители тверской династии «искали защиты от татар, от Москвы, или (в случае с удельными князьями) от тверского правителя»¹⁵.

Церковные противоречия между Русью и Литвой во второй половине XIV в. разобрал в труде «Византия и Московская Русь» И. Мейендорф, попытавшийся связать московско-литовское противостояние с интересами ведущих держав того времени. Основной силой, оказывавшей влияние на

¹⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981; Он же. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

¹⁵ Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

восточноевропейские дела, он считал Константинопольский патриархат, стремившийся сохранить «византийское содружество». Именно позиция Константинополя, с точки зрения И. Мейендорфа, помешала Ольгерду объединить под своей властью всю Русь.

Таким образом, отдельные сюжеты, касающиеся русско-литовских отношений 1239–1367 гг., подвергались рассмотрению не одного поколения историков. Предпринимались попытки дать их общую характеристику, но комплексного исследования по истории взаимоотношений Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой так и не появилось.

Источники. Основу настоящего исследования составили нарративные источники (летописи, хроники, агиографические произведения) и актовый материал. В качестве дополнительного источника была использована Библия.

Наиболее информативными источниками, содержащими сведения по истории русско-литовских отношений в 1239–1367 гг., являются древнерусские летописи. Среди летописных сводов первостепенное значение имеют Лаврентьевская, Троицкая, Новгородская I старшего извода, Новгородская Карамзинская, Новгородская IV, Софийская I летописи, списки так называемой Белорусской I летописи, Сокращенные своды конца XV в., Рогожский летописец. В них сохранились известия, послужившие основой для создания летописных сообщений всеми последующими поколениями книжников.

Некоторые сведения по изучаемой проблеме можно почерпнуть из агиографических произведений – «Жития Александра Невского» и «Сказания о Довмонте».

Для понимания замысла автора нарративного источника следует учитывать, что в нем могут содержаться определенные аллюзии, уподобляющие того или иного деятеля либо событие библейскому образцу. Это, в свою очередь, ставит под сомнение историчность части описываемых книжниками событий.

Другой группой источников, представленной в исследовании, является актовый материал: духовные и договорные (между правителями различных

русских земель; великими князьями и Новгородом; Москвой и Литвой; Новгородом и Литвой; Новгородом и Орденом; Литвой и Орденом; Литвой и немецкими городами) грамоты; Соборные деяния Константинопольского патриархата; патриаршие грамоты к князьям русских земель, русским и литовским церковным иерархам и их ответные грамоты патриарху; папские буллы (литовским правителям, польским королям, Ордену, немецким городам в Ливонии).

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной историографии объектом монографического исследования стали русско-литовские отношения в 1239–1367 годах. К тому же, для их изучения были избраны ранее не использовавшиеся при анализе летописных сообщений, касающихся данной темы, историко-текстологический метод и герменевтический подход, применение которых позволило глубже проникнуть в текст источника и понять авторов, повествовавших о взаимоотношениях Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой. Это помогло точнее реконструировать ход событий и прийти к более обоснованным выводам о характере русско-литовских отношений в исследуемый период.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при создании обобщающих научных трудов и учебных пособий по истории средневековой Руси и соседних стран в XIII–XIV вв., а также при подготовке общих курсов по истории России для учреждений высшего, среднего профессионального и общего образования, специальных курсов по истории внешней политики средневековой Руси.

Апробация работы. Полученные в ходе исследования результаты нашли отражение в 8 научных публикациях, в том числе 1 – в рецензируемом издании по списку ВАК. Отдельные положения диссертации были представлены в докладах на VI и VII Всероссийских научных конференциях «История идей и история общества» (Нижевартовск, 17–18 апреля 2008 г., 9–10 апреля 2009 г.); X Всероссийской научной конференции молодых историков «Диалог культур и

цивилизаций» (Тобольск, 27–28 марта 2009 г.); Вторых Даниловских чтениях (Тюмень, 20–22 апреля 2009 г.).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка использованных источников и литературы.

Исследование построено по хронологическому принципу изложения и структурирования материала, что позволило проследить развитие русско-литовских отношений и выделить этапы в их истории.

Во **введении** обосновываются актуальность темы и ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, объясняются основные понятия, присутствующие в нем, указываются хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи исследования, излагаются ее теоретико-методологические принципы, характеризуются состояние научной разработки проблемы и ее источниковая база.

В первой главе – «Становление русско-литовских отношений (1239–1262 годы)» – рассматриваются события начального этапа во взаимоотношениях Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой: с момента первого контакта войск великого князя владимирского с литовской ратью в 1239 г. до заключения в 1262 г. с одобрения великого князя Александра Ярославича новгородско-литовского мирного договора.

На данном этапе взаимоотношения Владимирского великого княжества и Новгорода с Литвой были вполне понятными и однозначными: литовцы совершали набеги, от которых князья, воеводы и горожане с переменным успехом отбивались.

Однако появились и признаки нового отношения литовского правителя Миндовга к русским землям. Это выразилось в занятии представителем литовской династии Полоцка и, может быть, претензией Миндовга на Смоленск. Полной картины событий, происходивших в Полоцком и

Смоленском княжествах, из-за отсутствия источников, нет. Но ясно, что неспособность или нежелание полочан сопротивляться литовцам дало последним возможность постоянно совершать набеги на новгородские земли. Именно Полоцк мог быть плацдармом для литовских нападений на новгородские волости в 1245, 1253 и 1258 гг., о чем свидетельствует текст берестяной грамоты № 636 из Троицкого раскопа. Объем информации о литовских вторжениях, содержащейся в Новгородской I летописи старшего извода, свидетельствует, что именно литовцы, а не «немцы» или «свеи», доставляли в данный период больше всего военных хлопот Новгороду.

Временная слабость смоленского правителя позволила литовским отрядам вторгаться и на территорию Владимирского великого княжества, чего раньше никогда не случалось. Активное сопротивление литовцам, оказанное Ярославом и Святославом Всеволодовичами, а также Александром Ярославичем, способствовало прекращению набегов и возникновению союза, который оформился в 1262 г. в виде мирного договора между Новгородом и Литвой.

Вторая глава – «Мирный период в русско-литовских отношениях (1263–1345 годы)» – повествует о втором этапе во взаимоотношениях сторон.

Отношения с Литвой в данный период как Владимирского великого княжества, так и Новгорода были достаточно стабильными, хотя в первые несколько лет псковский князь Довмонт, поддержанный новгородцами, совершил несколько походов на Литву, желая, скорее всего, отомстить своим врагам – в первую очередь, Герденю.

После 1267 г. попыток отправиться в поход на Литву со стороны русских князей не было. Более того, сами литовцы не предпринимали, за исключением двух вторжений 1285 г., никаких военных действий, направленных против новгородских и владими́ро-суздальских земель. Исходя из того, что непосредственно граничивший с Новгородом Полоцк был с 1260–1270-х гг. зависим от Литвы, можно предположить, что неупоминание книжниками столкновений между соседями свидетельствует о достаточно мирном характере

их отношений – вероятно, в рамках договора, подтвердившего, в основных чертах, условия прежнего, заключенного еще в 1262 году.

В конце 1310-х или в 1320-х гг. смоленский князь признал «стареишинство» Гедимина и, возможно, вынужден был передать ему под непосредственное управление торопецкие и ржевские земли. Тверская княжеская династия тогда же породнилась с литовским правящим домом, но это не привело ни к каким последствиям для Северо-Восточной Руси.

Спокойствие на литовско-тверской границе сохранялось бы и без заключения династического брака, так как литовского князя больше заботило противостояние с Орденом. Новгородско-литовская война, начавшаяся в 1323 г., стала, по сути, продолжением борьбы Гедимина с рыцарями Ордена: псковичи, отступив от Новгорода, призвали к себе князя из Литвы, новгородцы – в пику им – заключили договор с главным противником Великого княжества Литовского. Войну нельзя назвать кровопролитной, так как летописи отметили всего один поход литовцев против Новгорода, а в 1326–1327 гг. стороны заключили мир.

В 1332 г. Иван Данилович потребовал от Новгорода «серебра закамьского». Возмутившиеся новгородцы не захотели выплачивать этот небывалый налог. В результате длительных переговоров стороны так и не достигли приемлемого соглашения, и в 1333 г. новгородцы обратились за поддержкой к Гедимину. Тот, по всей вероятности, не отказал им. Новгород, в свою очередь, предоставил сыну литовского князя – Наримонту – пригороды на границе со Швецией. В 1334 г. Иван Данилович, договорившись с Новгородом, вероятно, заключил мир и с Литвой, свидетельством чего является женитьба старшего Ивановича – Семена – на литовской княжне.

При этом следует сказать, что появившаяся в общем источнике Новгородской Карамзинской, Новгородской IV и Софийской I летописей трактовка событий, согласно которой Гедимин, вероломно захватив новгородское посольство, отправившееся через его земли во Владимир-Волынский, силой добился от новгородцев согласия на выделение Наримонту

Гедиминовичу нескольких городов на новгородско-шведской границе «в отчину и в дедину», является, как выяснилось в ходе исследования, не более чем плодом творческой работы «антилитовски» настроенного книжника.

Столкновения 1335 и 1341 гг. можно считать небольшими пограничными стычками, не приведшими к каким-то большим изменениям в достаточно мирных отношениях великих князей владимирских и Новгорода с Литвой в 1334–1345 годах.

Многие исследователи полагали и полагают, что в данный период литовские князья начали борьбу с правителями Северо-Восточной Руси за влияние в Смоленске, Брянске, Новгороде и Пскове, а также поддерживали тесные отношения с тверской княжеской династией. В ходе изучения источников было выявлено, что ни о каком соперничестве в то время речи идти не может, а взаимоотношения Литвы с тверским правящим домом не являлись союзными. Относительно другого распространенного в историографии мнения – о первостепенном влиянии Орды на развитие русско-литовских отношений в 1263–1345 гг., стоит заметить, что, как показало исследование, оно не основано на фактах.

В третьей главе – «Начало противостояния Москвы и Литвы (1346–1367 годы)» – рассказывается о последнем перед московско-литовской войной этапе в отношениях между сторонами. В данный период отношения с Литвой у различных княжеств Северо-Восточной Руси и Новгорода были достаточно мирными, хотя уже проявилось некоторое напряжение во взаимоотношениях Москвы и Литвы.

На Новгород Ольгерд – вскоре после прихода к власти – совершил большой поход, что было связано с несдержанностью новгородского посадника Евстафия Дворянина, назвавшего литовского князя псом. В последующие 20 лет новгородско-литовские отношения развивались, по всей видимости, в рамках договора, заключенного в 1347 году.

Поход на Новгород привел к сближению Ольгерда с властителями Северо-Восточной Руси: в 1348 г. послы, отправленные литовским правителем

в Орду за ханской ратью, были выданы великому князю Семену, пожаловавшемуся Джанибеку, что Ольгерд опустошил его земли. Прибывшее в Москву в 1349 г. литовское посольство заключило первый зафиксированный в источниках мирный договор между Москвой и Литвой. Тогда же Ольгерд породнился с самим Семеном, а также с тверской и ростовской княжескими династиями.

В 1352 г. между Семеном и Ольгердом произошло «розрание», видимо, по вопросу о статусе Смоленска и приокских земель. Литовский князь отправил к Семену послов, и был заключен новый мир, возможно, сходный в общих чертах с первым договором.

После смерти Семена Ивановича стороны вновь некоторое время оставались без мира, что, как показано в исследовании, было связано с поддержкой Ольгердом суздальско-нижегородского князя Константина Васильевича, с которым литовский правитель породнился в 1354 году. Во второй половине 1355 г. сначала Константин Васильевич, а затем и его союзник – Новгород – заключили мир с Иваном Ивановичем. В начале 1356 г. их примеру последовал и Ольгерд, причем договор был скреплен браком одного из племянников литовского князя и дочери Ивана. В течение последующих 10 лет Москва и Литва соблюдали, скорее всего, условия этого договора.

Принятое в историографии мнение о противостоянии в 1350–1360-е гг. Москвы и Литвы в церковной сфере, как показало исследование, малообоснованно. К деятельности поставленного Тырновским патриархом митрополита Феодорита Ольгерд вообще не имел никакого отношения, а, поддерживая в конце 1350 – начале 1360-х гг. тесную связь с литовским митрополитом Романом, притязавшим на митрополию Киевскую и всея Руси, литовский князь, тем не менее, после смерти последнего – зимой 1362–1363 гг. – практически сразу признал канонические права митрополита Алексея.

С Суздальско-Нижегородским княжеством – в силу удаленности друг от друга – никаких столкновений у Литвы не было, а отношения могли

развиваться в рамках договора, который, по всей вероятности, заключили в 1354 г. Константин Васильевич и Ольгерд.

О литовско-тверских отношениях в 1346–1359 гг. ничего неизвестно. Возможно, и Ольгерд, и Василий Михайлович поддерживали Константина Васильевича в его притязаниях на великое княжение, и поэтому между ними в 1354 г. был заключен договор, хотя подобное предположение небесспорно.

В 1359 г., после неудачных попыток разрешить спор с дядей у митрополита и в Орде, один из тверских удельных князей – Всеволод Александрович – обратился за помощью к Ольгерду, и тот не отказал своему шурина, лично прибыв к тверским границам, что, видимо, и способствовало разрешению противоречий в тверском правящем доме.

Договор с тверским великим князем Василием Михайловичем, заключенный Ольгердом в 1362 г., действовал недолго. Уже в 1366 г. среди тверских князей вновь начались междоусобия. Василий Михайлович нашел поддержку в Москве, а Михаил Александрович – в Литве. Вмешательство в конфликт на стороне противников и привело к московско-литовской войне 1368–1372 годов.

В **заключении** подводятся итоги исследования. Первая страница в истории взаимоотношений Северо-Восточной Руси с Литвой была открыта в 1239 г., когда великий князь владимирский Ярослав Всеволодович совершил поход против литовцев, неизвестным образом оказавшихся в Смоленске. Затем, в течение 1240-х гг., князья и воеводы Владимиро-Суздальской земли несколько раз отражали литовские нападения. Новгород и до этого страдал от вторжений литовских отрядов, но в 1240–1250-е гг. они стали особенно частыми. Основной целью литовцев в данный период являлся, судя по всему, захват добычи. Кроме материальных ценностей, приобретенных непосредственно в походе, он приносил возможный доход и в перспективе – от выкупа за пленников.

Следующий этап в отношениях Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой начался в 1262 г., после заключения новгородско-литовского договора.

На протяжении почти 80 лет русско-литовские отношения протекали достаточно мирно. Судя по всему, это было обусловлено высоким уровнем терпимости между язычниками-литовцами и православными русскими. Но возникла она не сразу. В 1267 г. новгородцы деятельно поддерживали псковского князя Довмонта, совершившего несколько удачных походов на литовские земли, после чего источники перестали упоминать о каких-либо столкновениях с Литвой. Видимо, в конце 1260–1270-х гг. начало формироваться терпимое отношение друг к другу, окончательно оно сложилось в 1280–1300-е годы. При этом мелкие военные конфликты 1285, 1335, 1341 гг. можно считать случайными, определять на их основе общий характер отношений не стоит. Даже новгородско-литовская война 1323–1326 гг. не показательна, так как в ее ходе отмечено лишь одно сражение между сторонами – в 1323 г. у Лук.

В прекращении литовских вторжений на русские территории нельзя исключать и роли Орды. Дело в том, что в 1270–1280-е гг. ордынские правители оказали поддержку своим галицко-волынским вассалам в их борьбе с Литвой. Возможно, литовские князья после этого предпочли не вступать в конфликт с подвластными татарам русскими землями, выбрав путь постепенного вытеснения династов-Рюриковичей из своих уделов. Причем литовские властители – особенно принявшие православие – стали считаться равноправными с Рюриковичами правителями русских земель. В конце концов, и Новгород в 1333 г. пригласил одного из них – Наримонта – княжить в ряде пригородов, с целью защитить новгородские пределы от шведов. Великий князь Иван Данилович быстро смирился с этой ролью Гедиминовича.

Наращение напряженности между сторонами началось в 1346 г., после совершенного великим князем литовским Ольгердом похода на Новгород. В 1348 г. его послы были выданы московским киличеям, пожаловавшимся Джанибеку на опустошение литовцами ханского улуса. Отправленные в Москву дары позволили литовскому князю не только вызволить свое посольство, но и заключить – скорее всего, на невыгодных для себя условиях – мирный договор с Семеном Ивановичем. В течение 1350-х гг. его пришлось

несколько раз подтверждать, что свидетельствует о каких-то противоречиях между Владимирским великим княжеством и Литвой.

Видимо, после смерти Семена Ивановича прежний порядок устройства Северо-Восточной Руси сменился новым: суздальско-нижегородские и тверские князья сделались независимыми от Москвы. Это позволило им самостоятельно выстраивать отношения с соседями, в том числе, с Литвой.

Правители Суздальско-Нижегородского княжества, находившегося вдали от литовских земель, не имели никаких противоречий с Ольгердом. Более того, Константин Васильевич женил своего сына на дочери литовского властителя, скрепив браком союз против Ивана Ивановича. К ним присоединились тверской князь Василий Михайлович и Новгород. В 1355–1357 гг. союзники примирились с Москвой.

В 1360-х гг. особенно тесными связи с Литвой были у шуринов Ольгерда – тверских удельных князей Всеволода и Михаила Александровичей. Василий Тверской смог противостоять совместным действиям литовского князя и своих племянников только после того, как нашел поддержку в Москве. Так во второй половине 1360-х гг. возникла новая практика: русские князья в своей борьбе стали опираться либо на Москву, либо на Литву. Этому способствовал и кризис в Орде: когда в начале 1360-х гг. гарант стабильности в Восточной Европе распался на ряд независимых частей, искать управы на соперников в Сарае стало невозможно, и княжества, по сути, сделались независимыми в своей деятельности, что привело их к необходимости искать сильных покровителей.

Ни о какой борьбе за сферы влияния и планомерном «собирании» Москвой и Литвой русских земель до начала 1360-х гг. речи быть не может, как и о желании Орды столкнуть Северо-Восточную Русь с Литвой. Наоборот, боязнь ответных действий со стороны хана приводила литовских правителей к стремлению избегать крупных столкновений с княжествами Северо-Восточной Руси. Вместе с тем, нет оснований говорить и об особо дружественных отношениях каких-либо княжеств Северо-Восточной Руси или Новгорода с Литвой.

Относительно распространенного в историографии мнения о стремлении литовских властителей распространить свое влияние на Псков, Смоленск, Тверь или Новгород стоит заметить, что последние сами обращались за помощью к Литве: Псков – для защиты от Ордена, Новгород – от шведов, Тверь – от Москвы, а обстоятельства признания смоленским князем Иваном Александровичем «старейшинства» Гедимина неизвестны, как, впрочем, и подробности последующего перехода Смоленска под покровительство Семена Ивановича. При этом не следует забывать, что великие князья владимирские мирились с подобным положением вещей и не особо препятствовали получению названными землями помощи из Литвы.

Отсутствие враждебности по отношению к Литве нашло отражение и в русском летописании XIV – первой половины XV вв.: никаких негативных характеристик литовцев в нем, за отдельными исключениями, не встречается. Оценки действий литовских князей, на основании которых историки XIX–XXI вв. усмотрели начало противостояния Москвы с Литвой в первой половине XIV в., появились только под пером книжников второй половины XV–XVI вв., когда оно уже стало реальностью.

Открытый конфликт Москвы с Литвой начался как следствие соперничества внутри тверского правящего дома: Еремей Константинович и Михаил Александрович не смогли разобраться в вопросе принадлежности удела умершего от чумы в конце 1365 – начале 1366 гг. Семена Константиновича и призвали на помощь соседей. Вмешательство Москвы и Литвы в конфликт тверских князей привело, в конце концов, к войне 1368–1372 годов.

Вместе с тем, между Москвой и Вильно к концу 1360-х гг. существовали и другие противоречия – например, относительно Смоленска и Ржевы. Московские князья со времен Семена Ивановича претендовали на Смоленск, но в начале 1360-х гг. его правитель оказался в подчинении у Ольгерда. Дмитрий Иванович в конце 1360-х гг., судя по всему, задался целью вернуть Смоленск под власть Москвы. Одновременно с этим камнем преткновения между

Москвой и Литвой стала Ржева. Не исключено, что и приокские земли уже тогда находились под постоянным давлением со стороны соседей, не желавших уступать их друг другу.

Конечно, полной картины на основании дошедших данных составить нельзя, так как в источниках сохранились лишь некоторые «следы» исторической действительности, но определенные выводы о развитии отношений Северо-Восточной Руси и Новгорода с Литвой, хотя и не всегда однозначные, в исследовании сделаны. Причем основаны они на осторожном использовании сведений ранних летописей и критическом отношении к материалу поздних сводов, в которых, зачастую, содержится уникальная информация неизвестного происхождения. При помощи примененных в работе историко-текстологического метода и герменевтического подхода к изучению летописных источников стало понятно, откуда она взялась. Это, в свою очередь, поставило под сомнение ряд «историографических топосов» о развитии русско-литовских отношений, сформировавшихся под влиянием сводов второй половины XV–XVI веков.

СПИСОК РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Тарасенко В.В. О победе Александра Невского над литовцами // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 67–71 (0,25 п.л.).
2. Тарасенко В.В. Смоленский поход Ярослава Всеволодовича 1239 года // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 1. С. 7–11 (0,25 п.л.).
3. Тарасенко В.В. Литовские вторжения 1245 г. на Северо-Восток Руси глазами русских летописцев XIV–XVII веков // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Вектор Бук, 2008. Вып. XI. С. 60–64 (0,25 п.л.).
4. Тарасенко В.В. Литва 1240–1260-х годов глазами новгородских летописцев XIV–XVI веков // История идей и история общества: Материалы VI

Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 17–18 апреля 2008 года) / Отв. ред. В.Н. Ерохин. Нижевартовск: НГГУ, 2008. Ч. II. С. 104–105 (0,1 п.л.).

5. Тарасенко В.В. Образ Литвы на страницах Лаврентьевской и Троицкой летописей // Диалог культур и цивилизаций. Материалы X Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 162–163 (0,15 п.л.).
6. Тарасенко В.В. Новгородско-литовские отношения 1240–1260-х годов в трудах В.Т. Пашуто // История идей и история общества: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 9–10 апреля 2009 года). Нижевартовск: Изд-во НГГУ, 2009. С. 297–300 (0,15 п.л.).
7. Тарасенко В.В. В.Т. Пашуто как исследователь русско-литовских отношений середины XIII – конца XIV веков // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20–22 апреля 2009 г., г. Тюмень) / Тюменский гос. ун-т; под ред. А.Г. Еманова. Тюмень: Мандр и К^а, 2009. С. 110–113 (0,2 п.л.).
8. Тарасенко В.В. Новгородско-литовские отношения в 1268–1323 годах // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2010. Вып. XIII. С. 157–165 (0,6 п.л.).